

НЕИЗВЕСТНОЕ

Московская стена

Послевоенное развитие ГДР определили члены Коммунистической партии Германии, бежавшие в Москву от гестапо. Писатель **Андреас Петерсен** о том, почему они молчали о сталинских чистках и тюремных ужасах, пережитых ими самими.

Андреас Петерсен

Вернер Хирш был ветераном коммунистического движения, главным редактором издания *Rote Fahne* («Красное знамя»), секретарем и близким сподвижником председателя партии Эрнста Тельмана. Хиршу пришлось выступить свидетелем в деле о поджоге Рейхстага, после чего тайная полиция (гестапо) продолжала держать мертвой хваткой несогласного заключенного, который был не только коммунистом, но еще и евреем. Полтора года спустя, оказавшись на свободе, он бежал в Советский Союз и даже написал брошюру о преступлениях национал-социалистов в гитлеровских концлагерях. Но это не спасло его от сталинских «чисток» 1930-х годов в стране Победившего Октября.

В Москве Хирша «сдала» Грета Вильде, отвечавшая в Коминтерне за проверку кадров (существует и другая историческая версия, что автором доноса был другой немецкий политик Герберт Венер.— «Д»),— по ее утверждению, в нацистском плену тот повел себя «недостойно». Вильде действовала по поручению временного главы Компартии Германии Вильгельма Пика, размещавшего, как и многие другие товарищи, в московской гостинице «Люкс». Показательный процесс над Зиновьевым и Каменевым в 1936 году подходил к концу, и Пик подумал, что пора избавиться от «сброта» и в рядах коммунистов Германии. Обвинения были настолько абсурдными, что Хирш попытался скрыться в Париж. Однако это лишь усугубило позорения.

Хирша арестовали, пытали и приговорили к 10 годам лагерей на печально известном Соловецком острове. Охранники НКВД его ненавидели и издевались. В советских лагерях Хирш остался верен себе, объявил голодовку и, наконец, измученный в 1941 году скончался от ее последствий в московской «Бутырке».

Его судьбу разделили очень и очень многие. В годы Большого террора (1937–1938) было арестовано полтора миллиона человек, из которых каждого второго расстреляли. Подруга вдовы Карла Либкнехта Сюзанна Леонгард, которая 12 лет сама провела в ГУЛАГе, писала: «В этой стране, где мы, коммунисты, искали политического убежища, сегодня идет самое масштабное и беспощадное гонение на коммунистов».

Коммунистический интернационал, объединявший все коммунистические партии мира, с 1937 года казался Сталину сборищем предателей. Истреблялись целые партии, такие как польская, латышская, белорусская. В результате Сталин удушил мировое движение коммунистов.

В середине 1930-х годов в Советском Союзе насчитывалось около 8 000 коммунистов-немцев. Это были рабочие и инженеры, архитекто-

идентифицировать более тысячи немцев, расстрелянных, умерших в лагерях и пропавших без вести.

А ведь еще есть те, кто пережил лагерное заключение или ссылку, вырос в детских домах или был выдан гестапо. «Коммунизм,— указывал родоначальник исследования истории Компартии Германии Герман Вебер,— стал единственным движением в новейшей истории, которое уничтожило больше собственных вождей, функционеров и членов, чем все его враги вместе взятые».

Как все эти ужасы сказались на немцах-коммунистах? Шок сохранился на всю оставшуюся жизнь. У выживших террор полностью перевернул их представление о том, кто для них враг. Годами они жили в страхе, ложились спать в одежде, боролись с приступами паники, оказывались в изоляции и подвергались презрению. Некоторые искали спасение в доносах на товарищей.

В 1936 году около половины немцев в Советском Союзе (4600 человек) считались политическими эмигрантами. Из них после 1945 года примерно 1400 человек несколькими волнами вернулись на восток послевоенной страны. В возрожденной Компартии Германии они встре-

В середине 1930-х в Советском Союзе насчитывалось около 8 000 коммунистов-немцев... Для многих из них «родина всех трудящихся» оказалась ловушкой

ры и врачи, художники и артисты, которые ехали сюда, движимые жаждой приключений, гонимые безработицей или преследованиями. Для многих из них «родина всех трудящихся» оказалась ловушкой.

В 1938 году руководитель немецкой секции Коминтерна подсчитал, что на тот момент было арестовано 70% его товарищей. Из 68 ведущих функционеров Компартии Германии в Советском Союзе 41 человек был казнен. Выжить смогла только треть. На сегодняшний день удалось

с очень разными группами: кто-то пережил концлагеря, кто-то смог переждать в стране, кто-то постепенно возвращался из эмиграции на Запад, из Великобритании, Швеции, Латинской Америки.

Сталину и его окружению было понятно, что строить партию, государство и общество можно только руками уцелевших «москвичей». От прошедшего через годы «атомизированного массового общества», как определила цель сталинского террора немецкий философ Ханна Арендт,

1928 год. Глава немецких коммунистов Эрнст Тельман (справа) в гостях у слушателей Академии им. Фрунзе. Будущее, в котором он сам окажется в тюрьме и потеряет только в СССР около тысячи соратников, еще кажется безоблачным

он мог ожидать безусловной лояльности. Он доверял лишь тем, кто выжил в условиях тотального подчинения, абсолютного повиновения и непрестанного страха. Их лояльность была ему особенно нужна для той шахматной партии с союзниками, от исхода которой зависела будущая роль Германии. СЕПГ, как заявлял партийный функционер в Саксонии-Анхальте Эрнст Тапе после своего бегства на Запад в 1948 году, была не чем иным, как «инструментом российской внешней политики».

Так «москвичи», которым кремлевское руководство в первые два послевоенных года позволило вернуться в Берлин, сформировали кластер политического руководства Восточной Германии. Посредством внутрипартийных чисток, шантажа и подготовки к показательным процессам они установили контроль над партией, органами администрации и СМИ. В синергии с советскими войсками, которые присутствовали повсеместно, они насаждали представления об идеологическом противнике образца 1930-х годов, запустив «троцкист-

скими вредителями в партийном аппарате» и жестко расправляясь с «оппортунистами, приспешниками Шумахера и раскольниками». В конце концов они выстроили немецкий вариант той системы террора, из жерновов которой незадолго до этого им самим удалось ускользнуть.

У «москвичей», впадших в эйфорию государственного строительства, не было времени заниматься рефлексией и оглядываться назад. Они вытеснили воспоминания об окружавшем их безумии, преследованиях, страхе, в котором жили, молчали об арестах и бесследном исчезновении своих соратников. Ни слова не проронили они о том, как их допрашивали, о годах в тюрьмах и предательстве, без которого едва ли хоть кто-то тогда смог бы выжить. Однако они знали — или как минимум догадывались — о том, кто из их «товарищей» все еще боролся за жизнь в советских лагерях и ссылках. Последние вернулись из Советского Союза, окончательно сломленные, только в 1955 году.

О судьбе казненных и ссыльных не упоминалось и в докладе Никиты Сергеевича Хрущева о сталинских преступлениях на XX съезде партии в 1956 году. Это неизбежно вызвало бы вопросы: а что с партийцами, вернувшимися в Германию из Москвы,— какая им выпала роль? И что с политикой Сталина в отношении немцев?

Речь идет не только об уничтожении «товарищей», симпатизирующих и представителей партийной верхушки, но и о чудовищных просчетах в оценках: объявление социал-демократов главным врагом, подписание пакта Молотова—Риббентропа, игнорирование предупреждений о готовящемся нападении, ликвидация всего армейского руководства и бесцеремонное обращение с участниками немецкого сопротивления.

Нельзя было допустить, чтобы такие темы стали предметом обсуждения. Это подрывало бы самое основание хрупкой идентичности и пропагандистских мифов молодой демократической республики. Оставалось только упорно молчать — вплоть до 1989 года — о «злодействовавших жертвах» и «принесенных в жертву злодеям». Так поступала и «кадровичка» Грета Вильде, десять раз писавшая в НКВД на Вернера Хирша. «Кабинетная преступница», борющаяся за свою жизнь и при этом каждый день решавшая судьбу собственных товарищей, имена которых оказывались в напечатанных ей списках, сама умерла в 1943 году в лагере в Караганде.

Андреас Петерсен — историк и публицист. Живет в Цюрихе. Недавно вышла его книга «Москвичи». Какой отпечаток травма сталинизма наложила на ГДР?

Безопасность —
Не взирая ни на что.
Или ни на КОГО.

Чувство безопасности — это уверенность в надежной защите. От ветра и непогоды, а также и от непрошенных гостей и взломщиков. Раздвижные системы Schüco исключают любую опасность. В этом Вы можете быть уверены. www.schueco.ru

Окна. Двери. Фасады.

SCHÜCO